

Aleksiej Dmitrowskij

Сербский эпос в Курсе славянских литератур А. Мицкевича : методологический аспект

Acta Polono-Ruthenica 5, 115-121

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Aleksiej Dmitrowskij
Katedra Literatury Rosyjskiej
Kaliningradzkiego Państwowego Uniwersytetu

**Сербский эпос в *Курсе славянских литератур*
А. Мицкевича. Методологический аспект**

Первая половина XIX века, совпавшая с общеславянским Возрождением и „золотым веком” славянских литератур, стала временем формирования литературоведения как науки и активных методологических поисков в нём. Здесь наиболее общие установки мифологического, биографического, культурно-исторического, психологического и собственно художественного сосредоточения, а также сравнительно-исторического подхода к литературным явлениям в их внутренних родовых, жанровых и речевых свойствах и внешней национально-исторической обусловленности и общественной значимости проявлялись ещё в нерасчлнённом виде, представляя собою как бы исходную лабораторию дальнейшего литературоведческого становления. Именно в этом по особому богатом и многообещающем научном поле возникли лекции Адама Мицкевича о славянских литературах, читавшиеся в парижском College de France в 1840–1844 годах и ставшие не только определённой вехой в развитии науки о литературе, но и важнейшим актом общеславянского самосознания. Лекции февраля-апреля 1841 года были посвящены описанию и характеристике сербского устного народного творчества, и этот раздел в общем составе лекционного курса Мицкевича оказался едва ли не самым „научоёмким” и перспективным в части дальнейших методологических разработок, а также – в совершенствовании конкретных приёмов литературоведческого анализа.

В первой же установочной лекции 22 декабря 1840 года, имевшей непосредственно методологический характер в сочетании с философско-мировоззренческими позициями просветительства, романтики и конкретно-исторического самосознания, Мицкевич

говорил: „Я считаю себя призванным говорить от имени литературы народов, с которыми мой народ тесно связан своим прошлым и будущим; я чувствую себя призванным взять слово в нынешнее время, когда слово приобретает огромную силу” (126).¹ Проследивается также принципиальная чуждость Мицкевича всем видам замкнуто-герметического подхода к литературе и его общекультурологическая установка, согласно которой литература воспринимается и рассматривается как составная часть и одно из высших проявлений общественно-исторической жизни народа. Так литература братских славянских народов становилась для Мицкевича столь же предметом и целью научного анализа, сколь и средством постижения общеславянских судеб в перспективах культурного единения и общего процветания. В этой же первой лекции Мицкевич со всей силой эмоционального пафоса и исторической ответственности свидетельствовал, что он „всегда неотступно думал о причине наших распрей и о том, как достичь в будущем нашего объединения” (128).

В „сербских” лекциях Мицкевича последовательно сказалась его общеметодологическая установка той же первой лекции 1840 года, согласно которой „невозможно понять историю народа, не проникнув вглубь её литературы” (131). Так у Мицкевича обнаруживается следование методологическим представлениям Гердера и предвосхищение будущей культурно-исторической школы И. Тэна с его принципиальными положениями расы, среды и момента как определяющих факторов литературно-художественного творчества и первоначальными установками историзма. И неслучайно анализ сербского эпоса в лекции от 16 февраля 1841 года он начинает изложением летописных сведений о сербах, относящихся к эпохе Юстиниана, т.е. к XVI веку, и доводит сербскую историю в предельно сжатом изложении до XV века, уделяя главное внимание действительно центральному событию средневековой истории сербов – битве на Косовом поле 1389 года, когда трагедия утраты Сербией национальной независимости чудесным образом совпала с торжеством её героико-эпического народного гения.

---

¹ Перевод источника цитируется по изд.: А. Мицкевич, *Собрание сочинений: В 5 т.*, т. 4, Москва 1954 (с указанием страниц в тексте).

Обнаруживается и раскрывается взгляд Мицкевича на соотношение средневековой летописи и поэзии, где летописец „намечает контуры исторической картины, в то время как поэт наделяет её живыми красками” (176), – позиция, которая восходит к учению Аристотеля о том, что „поэзия философичнее и серьёзнее истории” и что „поэзия говорит более об общем, история – о единичном”.² Одновременно Мицкевич намечает перспективную трактовку приёмов типизации в устном народном творчестве с особой акцентированной коллективного национально-утверждающего мирозерцания и особенностей художественной структуры. Его принципиальное положение о том, что „народ схватывает лишь основные черты характера своих героев” и что „возвышая их, он воплощает в их лице свои национальные идеи и чувства” (176), получило уже в нашем веке наиболее полное развитие в учении М. М. Бахтина об эпических „героизирующих” песнях, которые возникали „на почве древней и могучей эпической традиции”.³

Общие культурно-исторические установки Мицкевича приближают его к постижению неравномерности жанрово-родового развития европейской литературы и, одновременно, к методике её сравнительно-исторического изучения. Показательна его убеждённость в том, что современная эпическая поэзия есть „преимущественно славянская”, в отличие от героической лирики (оды у скандинавов) и романтической лирики „германской расы” (184).

Сравнительная база Мицкевича, как сопоставительная, так и противопоставительная, была невелика, она составляла фактически две литературы: сербскую и древнегреческую. По условиям тогдашнего состояния науки в поле его зрения ещё не мог войти восточнославянский, русский героический эпос. Вместе с тем следует признать, что общая типология славянского героического эпоса не решена у нас до сих пор. Но тем более показательно, что, обращаясь в ходе сравнения к гомеровскому эпосу, Мицкевич устанавливал для сербских юнацких песен высшую планку художественно-эстетического отсчёта и литературно-исторической значимости, и, кроме того, постоянно именуя юнацкие песни обобщаю-

---

² Аристотель, *Об искусстве поэзии*, Москва 1957, с. 68.

³ М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1875, с. 458.

щим определением „славянского эпоса”, он произвольно выходил на общеславянскую мифологию.

По каким же линиям осуществляется у Мицкевича его сравнительная типология? Прежде всего по линии образов-персонажей. Это Калхас у Гомера и Милош Обинич в юнацких песнях. Также соответственно Илья Громовик и Юпитер-Зевес. Устанавливается также общность по линии форм выражения идейно-эмоционального пафоса. Именно: „У сербских поэтов мы обнаруживаем ту высокую беспристрастность, которая так восхищает нас у Гомера” (184). Но главное в аналитическом подходе Мицкевича – это взаимообратимость сопоставляемых свойств, в результате чего „выигрывают” обе стороны. Так, Мицкевич утверждает: „Святые в изображении сербской поэзии весьма схожи с греческими божествами, и с этой точки зрения изучение сербской поэзии могло бы осветить многие важные вопросы греческой поэзии” (182). Кроме того, намечаются исторические, жизненные сравнения персонажей сербского эпоса как ретроспективные, так и обращённые в будущее. Это сравнение эпического образа царя Лазаря в его героике и внутреннем христианском подвижничестве с Готфридом Бульонским – XI век, а также с Людовиком Святым – XVIII век, и принципиальное для романтического самосознания противопоставление „наивной” (Шиллер) героической поэзии произведениям общества „более просвещённого и более развращённого” (196). А также ироническое сравнение сокровищ царя Приама с капиталами современных банкиров (209).

Но решающую позицию в сравнении сербского и древнегреческого эпоса составляют у Мицкевича исходные типы мирозерцания, сложившиеся в европейском мире. Это язычество с его доминантами богатства, здоровья и физической силы, т.е. непосредственных и сугубо земных благ, и христианство с его высшими нравственными идеями очищения через страдание и спасения души. Весьма показательное мнение Мицкевича о том, что в этих подлинно благодатных идеях „славянская” (сербская) поэзия превосходит даже безусловно высокую, художественно совершенную поэзию минезингеров и труверов (188), в чём просматривается раннее предвосхищение современной теории двух типов христианской культуры, „рождественской” – западной и „пасхальной” – восточ-

ной, получившей наиболее концептуальное выражение у В. С. Непомнящего.⁴

Не менее важно отметить движение Мицкевича от романтического самосознания к реалистическому в части исследовательского историзма как подхода к художественному произведению в единстве идейно-эмоциональных позиций эпохи его создания и эпохи восприятия. Критикуя „узкую” точку зрения Вольтера и явно закладывая основания нового историко-литературного мышления, он утверждал: „чтобы проникнуться красотой поэзии, надо мысленно перенестись на место её действия, в ту страну и в ту эпоху, которые её создали” (209).

Мицкевич одним из первых осуществил подступы к жанровой классификации литературы на основании конкретно-исторической и типологической характеристики её содержания, что в наше время получило концептуальное развитие в жанровой теории Г. Н. Поспелова, теории жанровых групп в составе мифологического, национально-исторического, этнологического и романического содержания.⁵ Так, ранний этап сербской поэзии – „эпический” (по Поспелову, национально-исторический), справедливо характеризуемый в предельных формах идеализации и мифологизации, сменяется, по Мицкевичу, „романическими” песнями (этот же термин употребляет и Поспелов), проблематика которых определяется подвигами отдельных лиц, воинов, „искателей приключений”, причём „всегда связанных с родом Лазаря” (177).

Мицкевич намечает общепилологическую исследовательскую установку в единстве художественно-образных и словесно-семантических подходов, и мы становимся свидетелями подлинного гимна сербскому языку, в котором вполне сказывается душевное расположение польского гения к югославянскому словесно-художественному творчеству и его духовно-эстетическому миру в целом. „Сербский язык, – пишет он, – самый гармоничный, самый музыкальный из всех славянских языков”, – и отмечая в нём интонационное свойство смягчения согласных звуков, характерное, кстати, и для

---

⁴ См.: В. С. Непомнящий, *Феномен Пушкина и исторический жребий России*, [в:] *Пушкин и современная культура*, Москва 1996.

⁵ См.: Г. Н. Поспелов, *Проблемы исторического развития литературы*, Москва 1972.

русского произношения, он пишет, что сербский язык „по своему благозвучию это как бы итальянский язык славянских народов” (199).

Сейчас, на исходе XX века, в виду распространяющейся небывалой языковой порчи, заслуживают серьёзнейшего внимания суждения Мицкевича касательно состояния и будущего славянских языков как уникального феномена мировой культуры. Он видит пагубные изменения, которые произошли в славянских языках в результате проникновения в него в большом количестве турецких слов (200). Но в целом Мицкевич оптимистически смотрит на языковые перспективы славян. Он намечает собственную теорию лексической структуры, согласно которой глаголы, как обозначения деяния, творения, составляют существо языка, его подлинно божественное начало, а имена существительные, обозначающие результат этих процессов, его как бы фактурную часть, и делает вывод о задаче сбережения славянских глаголов как условия спасения и процветания славянских языков в целом. (Заметим здесь в скобках, что нынешняя мода варваризации стала проникать и в глагольный фонд).

Среди конкретных аналитических приёмов, которые практиковал Мицкевич, отметим его широкое цитирование и аналитические пересказы – приёмы, которые в русской критике той же поры блестяще применял Белинский. Именно в этих приёмах раскрывались у Мицкевича смысл и пафос песен о женитьбе князя Лазаря, о воеводе Милоше, о бедствиях далёкой Индии, о женитьбе королевича Марко и главное – о трагической Косовской битве. Но этот приём имел у Мицкевича ещё и прикладную, просветительскую задачу, т.е. ознакомление иностранной и иноязычной аудитории с творчеством славянских народов, и сам он в этом случае выступал не только как литературный аналитик, но и как артист-исполнитель, мастер художественного слова.

В этой „сербской” части своего курса Мицкевич проявил подлинную дальновидность, соглашаясь с неназываемыми иностранными авторами, честными людьми, которые писали тогда, что „славяне должны остерегаться любых чужеземных влияний”, и куда как современно сейчас, в канун XXI века, звучит предупреждение о том, что „если бы только сербы или черногорцы открыли доступ в свою страну для иностранных спекулянтов, они уготовили бы себе

участь галльских племён, вытесненных римлянами и жестоко согнанных с родной земли” (233). И также как будто сейчас сказано о том, что славяне „должны искать в своей религии и национальных обрядах зачатки своей будущей цивилизации”, что они „должны понемногу искоренять свои недостатки” и что для того, „чтобы поднять своё могущество на высшую ступень, народ должен справиться сам со всеми своими делами” (233).

Так, размышляя над общими судьбами славянского мира, Мицкевич выступал сторонником славянского развития на собственной национально-исторической основе. Он был удовлетворён тем, что „славяне имеют возможность жить спокойно, сохраняя свои старые обычаи и древнюю поэзию” (232). Но он был чужд всем видам национальной замкнутости, автаркии и заведомо отвергал иллюзорные представления о том, что народ „может всегда оставаться на одном и том же уровне и что ему и учиться-то собственно нечему” (233), и в этом философско-публицистическом заключении своей лекции, читанной 12 марта 1841 года, Мицкевич выступает общеславянским патриотом и как бы нашим современником.